

**St. Petersburg State University
Lomonosov Moscow State University**

Actual Problems of Theory and History of Art

III

Collection of articles

**St. Petersburg
2013**

Санкт-Петербургский государственный университет
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Актуальные проблемы теории и истории искусства

III

Сборник научных статей

Санкт-Петербург
2013

УДК 7.061
ББК 85.03
А43

Редакционная коллегия:

А.Х. Даудов (председатель редколлегии), З.А. Акопян, Н.К. Жижикина, А.В. Захарова, А.А. Карев, С.В. Мальцева (отв. ред. выпуска), С. Педоне, О.С. Попова, А.С. Преображенский, А.П. Салиенко, Е.Ю. Станюкович-Денисова (отв. ред. выпуска), И. Стевович, И.И. Тучков

Editorial board:

Abdulla H. Daudov (chief of the editorial board), Zaruhi Hakobian, Nadia C. Jijina, Andrey A. Karev, Svetlana V. Maltseva (editor in charge of the present volume), Silvia Pedone, Olga S. Popova, Alexandr S. Preobrazhensky, Alexandra P. Salienco, Ekaterina Yu. Stanyukovich-Denisova (editor in charge of the present volume), Ivan Stevović, Ivan I. Tuchkov, Anna V. Zakharova

Рецензенты:

акад. Российской Академии художеств проф. С.В. Голынец (Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина)
канд. иск. проф. И.А. Доронченков (Европейский университет в Санкт-Петербурге)
д. иск. проф. Е. Ердельян (Белградский университет, Сербия)
д. иск. проф. Т.В. Ильина (СПбГУ)
д. иск. проф. В.С. Турчин (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Reviewers:

Ilya A. Doronchenkov (European University in St. Petersburg)
Elena Erdeljan (Belgrade University, Serbia)
Sergey V. Golynets (Eltsin Ural Federal University)
Tatyana V. Ilyina (St. Petersburg State University)
Valery S. Turchin (Lomonosov Moscow State University)

Печатается по постановлению Ученого совета исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета и Ученого совета исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

A43 Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. – СПб.: НП-Принт, 2013. – Вып. 3. / под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. 615 с.

Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles. – St. Petersburg: NP-Print, 2013. – Vol. 3. / eds. S.V. Maltseva, E.Yu. Stanyukovich-Denisova. 615 p.

ISBN 978-5-91542-230-7

Сборник научных статей содержит материалы Международной конференции молодых специалистов, проходившей на историческом факультете СПбГУ 31 октября – 4 ноября 2012 г. и посвященной актуальным вопросам истории искусства и культуры. В статьях отечественных и иностранных авторов (на русском и английском языках) представлены результаты исследований в области изучения искусства Древнего мира, Византии, Древней Руси, Западной Европы от Средневековья до Новейшего времени, России XVIII–XXI вв., а также теории искусства.

Издание предназначено в первую очередь для специалистов. Может быть использовано в учебной, научно-практической деятельности, а также интересно широкому кругу любителей искусства.

The collection of articles presents the materials of the International Conference of Young Specialists held at the Faculty of History of St. Petersburg State University on October, 31 – November, 4, 2012. It deals with the actual problems of art history and theory from Antiquity to the present day. The articles by Russian and foreign authors (in Russian and in English) present the results of research in the art of the Ancient World, Byzantium, Medieval Russia, Western Europe from the Middle Ages to the 21 st c., Russian art from the 18th to the 21st cc., theory of art.

The edition is addressed to art historians, historians, art students and art lovers.

© Авторы статей, 2013
© Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета
© Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

На обложке использована картина Вика «Бегство в Петербург», 2003. Частное собрание, Санкт-Петербург
On the cover: Vik, "Escape to St.Petersburg", 2003. Private collection, St.Petersburg

Содержание Contents

С.В. МАЛЬЦЕВА, Е.Ю. СТАНЮКОВИЧ-ДЕНИСОВА. Предисловие
SVETLANA V. MALTSEVA, EKATERINA YU. STANYUKOVICH-DENISOVA. Foreword..... 12

ВИК. Бергство в Петербург
VIK. Flight to Petersburg 18

ИСКУССТВО ДРЕВНЕГО МИРА ART OF THE ANCIENT WORLD

Н.К. ЖИЖИНА. На перекрёстке проблем, или Возраст актуальности: история античного искусства как составляющая общих вопросов антиковедения
DR. NADIA С. JIJINA. On the Crossroads of Knowledge or the Age of Topicality: Problems of Greek and Roman Art as Part of General Classical Studies..... 20

Н.А. НАЛИМОВА. Слепки из Байи: между оригиналом и копией (к проблеме исследования греческой бронзовой скульптуры классического периода).
NADEZHDA A. NALIMOVA. Casts from Baia: between the Original and Copy (Researching Greek Bronze Sculpture of the Classical Period) 24

Е.М. МАЛКОВА. Украшение или символ: диадема в произведениях древнегреческого искусства
EUGENIA M. MALKOVA. A Decoration or a Symbol: Diadem in Ancient Greek Art..... 30

Е.В. МОГИЛЕВСКАЯ. Акварельная пелика из раскопок А.Е. Люценко в некрополе Пантикапея. Вопросы датировки, атрибуции и семантики изображения.
EKATERINA V. MOGILEVSKAYA. An "Aquarelle" Pelike from A.E. Liutsenko's Excavations of the Pantikapaion Necropolis: the Problems of Date, Attributing and Semantic 43

Е.С. ИЗМАЙЛИКИНА. Проблема отражения греческой, римской и восточной архитектурной традиции в малоазийских ордерных сооружениях эллинистического и римского времени
EKATERINA S. IZMAILKINA. The Problem of Greek, Roman and Oriental Architectural Tradition Penetration into Classical Order Constructions in Asia Minor of Hellenistic and Roman Times 49

КИШБАЛИ ТАМАШ ПЕТЕР. Программа скульптурного убранства Галикарнасского Мавзолея
TAMAS KISBALI. Sculptural Program of the Mausoleum at Halicarnassus..... 60

А.С. КОСТРОВА. К вопросу о строительстве римских городов в Нарбоннской Галлии в I веке до н. э. – II веке н. э.
ANNA S. KOSTROVA. To the Problem of Specific Features of Roman Architecture in the Cities of Gallia Narbonensis in the 1st Century BC – 2nd Century AD 65

К.Б. КОСЕНКОВА. Сиракузские метаморфозы: к проблеме преемственности архитектурных решений от античности к христианству (на примере храмов Великой Греции)
CATHERINE B. KOSENKOVA. The Syracuse Metamorphoses: to the Problem of Successive Architectural Transformations from Antiquity to Christianity (as Exemplified by the Temples of Graecia Magna)..... 74

Е.Н. ДМИТРИЕВА. Феномен классицизма и античная дактилиотека графа Л.А. Перовского ELENA N. DMITRIEVA. The Phenomenon of Neoclassicism and Count Lev A. Perovsky's Dactylothea of Antique Engraved Gems	86
Е.Ю. ТРИФОНОВА. Ещё раз о статуе философа из собрания Государственного Эрмитажа EKATERINA YU. TRIFONOVA. Once Again about the Statue of Philosopher from the Collection of The State Hermitage Museum	92
Д.С. ВАСЬКО. Одесский коллекционер Е.А. Шуманский. История одной продажи DMITRY S. VASKO. An Odessa Collector Eugene A. Shumansky: a Story of One Sale.....	99

ВОСТОЧНОХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО EASTERN CHRISTIAN ART

А. АВАЛЬЯНО. Поэт и архитектор: размышление о византийских эпиграммах ALESSANDRA AVAGLIANO. The Poet and the Architect: a Consideration on Byzantine Epigrams.....	106
Л.Ш. МИКАЕЛЯН. Некоторые композиционные схемы и иконографические мотивы в раннехристианской скульптуре Армении в свете сасанидских влияний LILIT SH. MIQAELYAN. Some Compositional Schemes and Iconographic Motives in Early Christian Sculpture of Armenia in the Light of Sassanian Influence	112
З.А. АКОПЯН. Раннесредневековая скульптура Гугарка и Картли. Вопросы художественного стиля и мастерских DR. ZARUNY HAKOBIAN. Early Mediaeval Sculpture of Gugark and Kartli. The Problems of the Artistic Style and Workshops	123
С.В. МАЛЬЦЕВА. Проблема прототипов и хронологии построек последнего периода сербского средневекового зодчества (к историографии вопроса) SVETLANA V. MALTSEVA. On the Prototypes and Chronology of Buildings of the Last Period of Mediaeval Serbian Architecture (Some Remarks on the Historiography).....	134
А.В. ЩЕРБАКОВА. Мраморная декорация интерьера кафоликона Осииос Лукас в Фокиде ALEXANDRA V. SHCHERBAKOVA. Marble Decoration of the Interior of the Catholicon of Hosios Loukas in Phocis	141
Л. БЕВИЛАКВА. Представление прошлого в Византии. Споллии с фигуративными изображениями на городских воротах Никеи (XIII век) DR. LIVIA BEVILACQUA. Displaying the Past in Byzantium. Figural "Spolia" on the City Gates of Nicaea (13 th Century).....	145
С.Н. ТАТАРЧЕНКО. К вопросу об интерпретации центрального сюжета росписи в апсиде церкви Богоматери в Кинцвиси (Грузия): историографический аспект SVETLANA N. TATARCHENKO. On the Interpretation of the Image in the Central Part of the Apse Decoration of the Church of the Mother of God of Kintsvisi Monastery (Georgia): Historiographical Aspect...	151
Е. ГЕДЕВАНИШВИЛИ. Изображение Страшного Суда в росписях храма в Икви. DR. EKATERINE GEDEVANISHVILI. The Representation of the Last Judgment in the Ikvi Murals	157
Л. РИККАРДИ. Польза по необходимости: проект каталога «житийных икон» в византийской и средневековой монументальной живописи Южной Италии LORENZO RICCARDI. Out of Necessity Comes Virtue: A Preliminary Index of "Hagiographical Icons" in the Byzantine and Medieval Wall-Painting in Southern Italy.....	163

Ф. ЛОВИНО. Миниатюры Хроники Михаила Глики в рукописи Marcianus gr. 402 FRANCESCO LOVINO. The Illustrations of Michael Glycas' Βίβλος χρονική in the Marcianus gr. 402	175
М.И. ЯКОВЛЕВА. Икона «Спас Эммануил» из собрания ГИМ — микромозаика раннепалеологовской эпохи MARIA I. YAKOVLEVA. The Icon of Christ Emmanuel from the State Historical Museum — a Micromosaic of Early Palaiologan Period.....	180
Е.А. НЕМЫКИНА. Композиция «Предста Царица одесную Тебе» и проблема новгородско-балканских связей в живописи XIV столетия ELENA A. NEMYKINA. The Composition “Upon the Right Hand Did Stand the Queen” and the Hypothesis of the Novgorodian and Balkan Relations in the Mural Painting of the 14th Century	186
И. ЙЕВТИЧ. Повествование в поздневизантийской живописи: вопросы о священных образах, возникающие в этой связи DR. IVANA JEVTIC. Narrative Mode in Late Byzantine Painting: Questions it Raises about Sacred Images	195

ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО OLD RUSSIAN ART

М.В. СТЕПАНОВ. Рабочие методы древнерусских зодчих MIKHAIL V. STEPANOV. Working Methods of Old-Russian Architects	201
Д.Д. ЁЛШИН. «Двустолпные» храмы древнерусского Переяславля: византийский контекст DENIS D. YOLSHIN. The Two-Pillar Churches of Pereyaslavl-of-Russia: Byzantine Context.....	209
А.А. ФРЕЗЕ. Церковь св. Михаила в Переяславле и византийская архитектура IX – начала XIII века ANNA A. FREZE. The Church of St. Michael in Pereyaslavl-of-Russia and Byzantine Architecture of the 9 th – Early 13 th Centuries	216
Д.А. СКОБЦОВА. Фрагменты фресок храма-усыпальницы Евфросиниева монастыря в Полоцке из фондов Новгородского музея-заповедника DARYA A. SKOBTSOVA. The Fragments of the Frescoes from the Burial Church in St. Euphrosyne's Convent in Polotsk (from the Funds of the Novgorod State Museum)	222
С.А. КИРЬЯНОВА. Об иконе «Богоматерь Упование всех концов земли» SVETLANA A. KIRYANOVA. On the Icon “Mother of God Hope of all Ends of the Earth”	228
П.Г. ЕРШОВ. Успенский собор Старицкого монастыря и «архаизирующие» памятники первой половины XVI века PETR G. ERSHOV. The Dormition Cathedral of Staritski Monastery and “Archaizing” Monuments of the First Half of the 16th Century	231
Н.М. АБРАМЕНКО. Святые князья Борис и Глеб как заступники русского войска в произведениях XVI-XVII веков ABRAMENKO, NATALIA M. Saint Princes Boris and Gleb as Patrons of the Russian Army in the Russian Art of the 16 th – 17 th Centuries.....	241
Н.Г. ТИТОРЕНКО. Церковь Знамения на Тверской улице и особенности истолкования древнерусских форм в архитектуре Санкт-Петербурга начала XX века NATALIA G. TITORENKO. Znamenskaya Church in Tverskaya Street and Some Peculiar Features of Interpretation of Medieval Russian Forms in Petersburg Architecture of the Beginning of the 20 th Century..	248

РУССКОЕ ИСКУССТВО XVIII–XX ВВ.**RUSSIAN ART OF THE 18th – 20th CC.**

М.И. МИЛЬЧИК. Разгадка загадки портретов Архиепископа Афанасия или еще раз об их атрибуции DR. MIKHAIL I. MILCHIK. The Solution to the Puzzle of Archbishop Athanasius' Portraits or on their Attribution Once Again.....	254
Е.Ю. СТАНИУКОВИЧ-ДЕНИСОВА. Церковь Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы в Петербурге: к истории строительства и реконструкции первоначального облика EKATERINA YU. STANYUKOVICH-DENISOVA. The Church of Sts. Simeon the God-Receiver and Anna the Prophetess in St. Petersburg: on the History of Building and the Reconstruction of Original State.....	258
В.С. НАУМОВА. Усадебное строительство К.Г. Разумовского в Малороссии. Особенности архитектурного заказа VERA S. NAUMOVA. Estate Buildings of K.G. Razumovsky in Malorossija. Specific Features of Architectural Commission	263
М.И. СТИХИНА. Николай Врангель — исследователь творчества Ф.С. Рокотова MARIA I. STIKHINA. Nicolay Wrangel — a Researcher of F.S. Rokotov' Art	269
ТЕТЕРМАЗОВА З.В. Живописный и гравированный портрет в России второй половины XVIII века. Проблема соотношения изображения и слова ZALINA V. TETERMAZOVA . Painted and Engraved Portrait in Russia in the Second Half of the 18 th Century. The Problem of Correlation between an Image and a Word	274
Е.А. КУЛИНИЧЕВА. Деятельность художественных кружков Абрамцева и Талашкина глазами американской художественной критики (на примере журнала «Ремесленник» Г. Стикли) EKATERINA A. KULINICHEVA. G. Stickley's magazine "Craftsman": American Art Criticism on the Abramtsevo and Talashkino Art Groups	280
Ю.И. ЧЕЖИНА. Забытый портрет кисти Г.Г. Мясоедова YULIYA I. CHEZHINA. A Forgotten Portrait by G.G. Myasoyedov.....	287
Т.Л. МАЛЫШЕВА. Шаг к модернизму: В.А. Серов и постимпрессионистические течения в европейской живописи в 1880-х годах TANJA MALYSHEVA. A Step Towards Modernism: Serov and the Post Impressionist Movements in European Art	292
А.И. ДОЛГОВА. Национальные мотивы в интерьере петербургского модерна (дома страхового общества «Россия» и Торгово-промышленного товарищества Бажанова и Чувалдиной) ANASTASIYA I. DOLGOVA. National Motives in the Art Nouveau Interior of St. Petersburg. Houses of the Insurance Society "Russia" and the Trade-Industrial Society of Bazhanov and Chuvaldina	298
К. КУЛДНА, Е.С. ХМЕЛЬНИЦКАЯ. Большая тихая дорога — забытое творчество эстонского скульптора Августа Тимуса KERSTI KULDNA; EKATERINA S. KHMELNITSKAYA. Large Quiet Road — the Forgotten Art of the Estonian Sculptor August Timus.....	303
Е.И. ШАБУНИНА. Творчество архитектора Я.Г. Гевирца после 1917 года EKATERINA I. SHABUNINA. The Works of the Architect Yakov Gevirts after 1917	308
М.А. БУЛАТОВА. Театральное пространство города в живописи художников группы ОСТ. MARIA A. BULATOVA. City as a Theater Space in the Paintings of OST Artists	314
О.В. ФУРМАН. Портрет в творчестве Павла Филонова. От реализма к натурализму OLGA V. FURMAN. Portrait in the Art of Pavel Filonov. From Realism to Naturalism.....	320

К.В. СМИРНОВА. Нереализованные конкурсные проекты мемориалов героям и жертвам Великой Отечественной войны XENIYA V. SMIRNOVA. Unrealized Projects of the Contests for Memorials to Heroes and Victims of the World War II	326
У.П. ДОБРОВА. Оп-арт в творчестве А. Андреевой (1917–2008): истоки стиля ULYANA P. DOBROVA. Op Art in the Works of A. Andreeva (1917–2008): Sources of the Style	332
Т.В. ШЛЫКОВА. Традиции русского авангарда в педагогической практике рубежа XX–XXI веков (на примере педагогической деятельности А.В. Кондратьева) TATIANA V. SHLYKOVA. Traditions of Russian Avant-garde in Teaching Practice at the Turn of the 20 th – 21 st Centuries (as Exemplified in Pedagogical Work of A.V. Kondratyev)	339
А.С. ЛООГА. Вик. Творческий метод и символика в живописной серии «Бегство в Петербург» ANASTASIYA S. LOOGA. Vik. Creative Method and Symbolism in a Pictorial Series «Flight to Petersburg»	343
А.С. ГОРЛЕНКО. Образ исторической личности в городском скульптурном памятнике рубежа XX–XXI веков в Санкт-Петербурге: опыт текстуального анализа ALINA S. GORLENKO. The Image of a Historical Personality in the Urban Sculptural Monument in St. Petersburg at the Turn of the 20 th – 21 st Centuries: Applying Textual Analysis	347
Е.Н. ТИМОФЕЕВА. Изучение, сохранение и развитие кружевоплетения русского населения Татарстана в конце XX – начале XXI века EKATERINA N. TIMOFEEVA. Lace-Making by Russian Population in Tatarstan in the End of the 20 th – Beginning of the 21 st Century: Study, Preservation and Development	353
Е.В. ШЕВЕЛЕВА. Частные музеи г. Каргополя Архангельской области и его окрестностей: феномен в контексте развития этнотуризма в регионе ELIZAVETA V. SHEVELYOVA. Kargopol's Private Museums of the Arkhangelsk Region and the Surrounding Area: the Phenomenon in the Context of the Development of Ethnic Tourism in the Region»	359
А.В. АЛЕКСЕЕВА. Синестезия в искусствоведении. Специфика интерпретации термина ANNA V. ALEKSEEVA. Synesthesia in Study of Art. Specificity of the Term	363

ЗАПАДНОЕ ИСКУССТВО XV–XX ВВ. WESTERN ART OF THE 15th – 20th CC.

М.А. ЛОПУХОВА. Реконструкция древности и воображаемая античность в живописи Андреа Мантеньи и Филиппино Липпи MARINA A. LOPUKHOVA. Imaginary and Reconstructed Antiquity by Andrea Mantegna and Filippino Lippi	369
П.А. АЛЁШИН. Бенедетто Варки и теория искусства эпохи Чинквеченто PAVEL A. ALYOSHIN. Benedetto Varchi and the Cinquecento Art Theory	375
В.Н. ЗАХАРОВА. Современное искусствоведение о портрете итальянского Возрождения: актуальные методы и проблемы исследования VERA N. ZAKHAROVA. Modern Art History on Italian Renaissance Portraiture: Topical Methodologies and Issues of Research	381
Л.А. ЧЕЧИК. Древнееврейские надписи в Венецианской религиозной живописи эпохи Возрождения LIYA A. CHECHIK. Ancient Jewish Inscriptions in Venetian Religious Painting of Renaissance	388

Л.В. МИХАЙЛОВА. Пейзажные мотивы в печатной графике Ганса Бургкмайра Старшего (1473–1531) LYUDMILA V. MIKHAILOVA. Landscape Motives in the Print Graphic of Hans Burgkmair the Elder (1473–1531)	394
Е.А. ЕФИМОВА. Альбомы из коллекции И. Детайера в Государственном Эрмитаже: исторический контекст некоторые проблемы интерпретации DR. ELENA A. EFIMOVA. Albums from the Former H. Destailleur's Collection in the State Hermitage: A Historical Context and Some Problems of Interpretation	401
С.А. КОВБАСЮК. «Злые женщины» в картинах «De Zotte Schilders»: иконографический и социальный аспекты STEFANIYA A. KOVBASIUK. "Evil Women" in the Paintings by "De Zotte schilders": Iconographic and Social Aspects.....	412
Л.Д. ЧИСТОВА. Голландская изобразительная каллиграфия начала XVII века в контексте визуальной и письменной культуры LYUBAVA D. CHISTOVA. Dutch Pictorial Calligraphy of the Beginning of 17 th century in the Context of Visual and Written Culture.....	418
И.М. СОНИНА. Специфика и эволюция бытового жанра в испанской живописи XVII века IRINA M. SONINA. Specific Features and Stages of Evolution of the Spanish Genre Painting in the 17 th Century.....	426
М.А. ПРИКЛАДОВА. Эволюция образа святого Михаила в творчестве сеvilльских мастеров середины – второй половины XVII века MARIA A. PRIKLADOVA. Evolution of the Image of St. Michael in the Art of Sevillian Masters of the Middle and the Second Half of the 17 th Century.....	432
А. КАЛАДЖИНСКАЙТЕ. Деятельность архитектора Иосифа Фонтана в Витебском воеводстве Великого княжества Литовского AUKSĖ KALADŽINSKAITĖ. The Activity of Giuseppe Fontana within Grand Duchy of Lithuania	437
Е.А. СКВОРЦОВА. Батальная тема в творчестве Дж.А. Аткинсона EKATERINA A. SKVORTSOVA. Military Topic in the Art of J.A. Atkinson	444
Е.Г. ГОЙХМАН. Творчество Эжена Делакруа и образ Средневековья в искусстве романтизма рубежа 1820–1830-х годов ELENA G. GOIKHMAN. Eugène Delacroix and the Image of the Middle Ages in the Romanticism Art at the Turn of the 1820's-1830's.....	450
М.А. ИВАСЮТИНА. Истоки импрессионистической концепции пейзажных серий в живописи середины XIX века MARINA A. IVASYUTINA. The Origins of the Impressionist Concept of the Landscape Series in the Painting of the Middle of the 19 th Century	458
А.С. ЯРМОШ. Интерпретация сюжетов и образов древнескандинавской мифологии в шведском фарфоре последней трети XIX века ANASTASIYA S. YARMOSH. The Interpretation of Scenes and Images of Scandinavian Mythology in Swedish Porcelain of the Last Third of the 19 th Century	464
Е.А. ПЕТУХОВА. Плакат в США в 1890-е гг. Истоки и общая характеристика особенностей журнального плаката ELENA A. PETUKHOVA. The USA Poster in the 1890's. The Issues of the Origins and the General Peculiarities of the Journal Poster	470

О.Н. ЗИНЕВИЧ. Проблема традиции и неомифологизма в современном искусстве на примере античных мотивов в «художественной книге» (livre d'art) первой половины XX века OLGA N. ZINEVICH. The Antique Motifs in the "Livre d'Art" of the First Half of the 20 th Century as the Example of the Problem of Tradition and Neomythologism in the Modern Art.....	475
М.А. КРАСНОКУТСКАЯ. Ювелирное искусство ар деко во Франции: взаимовлияние культуры и украшений 1920-х - 1930-х годов MARIA A. KRASNOKUTSKAYA. Art Deco Jewelry in France: Interaction between Culture and the Accessories in the 1920's - 1930's	480
Д.Н. АЛЕШИНА. Бен Николсон и Патрик Хэрон: британская абстрактная живопись до и после Второй мировой войны DINA N. ALESHINA. Ben Nicholson and Patrick Heron: British Abstract Painting Before and After the World War II.....	486
Л. МИТИЧ. Выставки американского искусства в Белграде в период холодной войны: проблема взаимоотношений искусства и политики LORA MITIĆ. The Exhibitions of American Art in Belgrade during the Cold War: Problem of the Relationship between Art and Politics.....	492
Д.А. БУЛАТОВ. Первая <i>документа</i> 1955 года в Касселе и проблема концептированной истории искусства DANIIL A. BULATOV. The First <i>Documenta</i> in Kassel (1955) and the Problem of a Conceptualized Art History	499
А.О. КОТЛОМАНОВ. Скульптура Генри Мура в контексте проблематики современного монумента ALEXANDER O. KOTLOMANOV. Sculptures by Henry Moore in the Context of Modern Monument Problems.....	505
Е. МАТИЧ. Фотография модернизма и постмодернизма: теория и способы представления JELENA MATIĆ. Modernism and Postmodernism Photography: Theory and the Ways of Representation	510
К.А. ЧУНИХИН. «Модерн и постмодерн» Клемент Гринберга, или апология модернизма в эпоху постмодернизма KIRILL A. CHUNIKHIN. Clement Greenberg's "Modern and Postmodern": the Apology of Modernism in the Postmodern Era	515
Аннотации	521
Abstracts	545
Сведения об авторах	566
About the authors	571
Иллюстрации	
Plates	575

П.Г. Ершов

(Российский институт истории искусств, Санкт-Петербург)

Успенский собор Старицкого монастыря и «архаизирующие» памятники первой половины XVI века¹

Введение

Строительство итальянских архитекторов в последней четверти XV – начале XVI в. в Московском Кремле безусловно повлияло на архитектуру последующего времени. В первой трети XVI в. особенно заметно стремление русских зодчих перенять элементы новой архитектуры (при этом деятельность итальянских мастеров на Руси прерывается лишь в начале 1540-х гг. [21, с. 218]). Основным типом соборного храма для этого времени являлась четырех- или шестистолпная постройка. Чаще всего подобный храм ориентировался на Успенский и Архангельский соборы Кремля. Возведенный Алевизом Новым в 1505–1508 гг., Архангельский собор (в это же время Алевиз строит церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, а Бон Фрязин — церковь-колокольню Иоанна Лествичника [21, с. 223]) выделяется, прежде всего, своей насыщенной ордерной декорацией, содержащей ранее не известные на Руси элементы: раковины в закомарах, роскошные порталы, сложнопрофилированные «акантовые» капители, круглые окна, филенки. Именно эти детали впоследствии широко использовались в декоративном оформлении храмов на протяжении всего XVI в. Причем если в 1500 – 1510-х гг. происходит освоение и переработка новых декоративных приемов, то с 1520-х гг. можно говорить о полноценном вхождении «итальянизмов» в русскую архитектуру [2, с. 188]. Тем более кажется необычным появление в это время такого оригинального памятника, как Успенский собор в Старице. Несмотря на обилие ордерной декорации в интерьере, общая композиция, характерная для раннемосковского зодчества, выделяет храм среди построек 1510 – 1530-х гг. Тем не менее, старицкий памятник не был единичным явлением в данный период. Мы можем говорить о существовании «архаизирующего направления» целой группы памятников (Рождественский собор Рождественского монастыря в Москве, Благовещенский собор в Киржаче, Успенский собор Княгинина монастыря во Владимире, Рождественский собор Медведевой пустыни, Успенский собор Симонова монастыря, Успенская церковь в Клину), в архитектуре которых практически отсутствуют итальянизирующие мотивы. Точнее, они оказываются как бы сосредоточенными в интерьере храмов, фасады и некоторые конструктивные особенности этих памятников обнаруживают сходство с архитектурой «доитальянской» Москвы.

Успенский собор Старицкого Успенского монастыря

Динамичность архитектурных форм Успенского собора в Старице² — первая мысль, возникающая при взгляде на памятник (Илл. 94). И действительно, ритм кокошников,

¹ Научный руководитель — И.Д. Саблин, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Сектора теории и истории живописи и архитектуры Российского института истории искусств.

² Исходя из особенностей архитектурных форм храма, мы считаем предположительным временем его возведения 1520-е гг.

развернутые углом к главным фасадам квадратные постаменты малых глав, изломанные линии апсид, повышенные центральные закомары приводят стены храма в движение, появляется даже впечатление, что они наклонены внутрь. Но это движение не драматическое, порывистое (как, скажем, в Спасском соборе Андроникова монастыря), а спокойное, величавое. Эффект «взлета» центрального барабана как бы «гасится» малыми главами, делающими его подъем не столь резким. Способствуют этому и горизонтальная линия аркатурного пояса, и округлость порталов, не имеющих острого килевидного подъема. Возникает впечатление ступенчатого, поступательного восхождения (начинающегося еще со ступеней храмового постамента) всех архитектурных форм к вершине — главному барабану, «вырастающему» из ярусов кокошников. Трудно говорить о какой-то раздельности масс собора, «распаде» его на разные части. Скорее налицо компактность, сплоченность объемов, каждый из которых не смог бы мыслиться отдельно от целого. Говорит об этом и симметричность в расположении декора на фасадах, отсутствие иррациональности в построении архитектурной композиции храма. Большое значение имеет и фактура самих стен. Контраст белого, отшлифованного камня и темных кровель подчеркивает и выделяет архитектурные элементы храма. Сочная профилировка архивольтов закомар, кокошников, капителей и карнизов рождает живописную игру светотени на фасадах собора. Характер интерьера задается плавным ритмом пологих сводов и арок, ступенями поднимающихся к барабану. Многочисленные карнизы лишь подчеркивают важные в конструктивном плане части (пяты арок и сводов, базы столбов). В то же время они несколько смягчают, успокаивают порывистое движение, содержащееся в несущих частях храма. Не чувствуется напряженности и в том, как распределено освещение. Помимо окон центрального барабана, свет проникает в здание через окна малых глав, окна в южной, западной и восточной стенах (Илл. 95). Таким образом, свет как бы связывает пространства подкупольного квадрата и угловых помещений. Интерьер не распадается на разрозненные компартименты, в нем нет отчетливо выраженной столпообразности, он остается единым.

Несмотря на обилие элементов ордерной декорации в интерьере, общая композиция, характерная для раннемосковского зодчества, выделяет храм среди построек 1510 - 1530-х гг. Рассмотрение архитектурных особенностей Успенского собора в Старице позволяет выявить несоответствие между внешним и внутренним видом собора. Архаичное решение объема (с пониженными угловыми ячейками и выделенным средокрестием), происходящее из раннемосковской архитектуры, сочетается с развитой ордерной декорацией в интерьере храма. Однако в этом соседстве нет противоречия, различные по происхождению архитектурные формы гармонично скомпонованы в единое целое. Необходимо отметить качество исполнения самих элементов — цоколя, карнизов, архивольтов, декоративных деталей.

«Архаизирующие» памятники 1520 - 1520-х гг.

Характерно, что указанные нами памятники в большинстве своем не имеют точной датировки (кроме собора Медведевой пустыни и собора Симонова монастыря), что затрудняет их «привязку» к какому-либо периоду в первой половине XVI в. Наиболее близкой постройкой к Успенскому собору Старицы, как мы уже не раз отмечали выше, является Рождественский собор Рождественского монастыря в Москве (Илл. 96). Датой его возведения, напомним, долгое время считались 1501-1505 гг. [11, с. 82; 14, с. 5; 15, с. 350; 26, с. 57]. Однако в последнее время эта дата вызвала сомнение у исследователей. А.Л. Бата-

лов и А.В. Яганов в своих статьях не без оснований предложили датировать памятник гораздо более широким временным отрезком — первой половиной XVI в. [1, с. 152; 27, с. 133]. Чтобы попытаться приблизиться к решению этого вопроса, обратимся к архитектуре Рождественского собора.

Архитектуре Рождественского собора присущ динамичный характер. Если в случае с Успенским собором Старицы боковые купола «смягчали» взлет центральной главы, то здесь движение всех элементов подчинено ритму ступенчатого восхождения к барабану главного купола. Карнизы как бы разделяют массу Рождественского собора поперек, на две части, противопоставляя их друг другу: приземистый четверик и башнеобразное завершение. Порывистый характер движения архитектурных форм роднит памятник со Спасским собором Андроникова монастыря. Внутреннее пространство храма строится по схожим принципам. Оно складывается вокруг подкупольного квадрата, своеобразного светового столпа. Арочные проемы, соединяющие угловые ячейки с центральными нефами, достаточно высоки, за счет этого единство пространства не нарушается. Тем не менее эти компартименты оказываются слишком затемненными, так как, в отличие от старицкого собора, они лишены световых глав. Здесь опять же налицо сходство с тем, как организована внутренняя композиция собора Андроникова монастыря — резкое нарастание, «взлет» пространства к центральной главе. Правда, в Рождественском соборе этот эффект несколько смягчен ордерной декорацией. Характер интерьера кажется более спокойным и уравновешенным.

Образцом для Рождественского собора мог стать как уже названный Спасский собор Андроникова монастыря, так и каменный храм, который, возможно, стоял на месте храма XVI в. [19, с. 212]. Хотя наличие храма-предшественника у Рождественского собора еще не до конца подтверждено [5, с. 193]. Как бы то ни было, характер расположения итальянизирующего декора в интерьере Рождественского собора свидетельствует об уже достаточно четкой сложившейся системе организации ордерных элементов. Подобная система не могла сложиться раньше, чем в 1520-е гг., вероятнее всего, памятник относится к этому времени. Кроме того, памятник близок к другому, не имеющему точной датировки московскому храму — церкви Антипы Пергамского на Колымажном дворе. Реставрировавший этот храм Л.А. Давид отнес его к периоду между 1530-ми и 1550-ми гг. Исследователь увидел сходство в трактовке его капителей с капителями церкви Вознесения в Коломенском (1532) [10, с. 164-166]. Храм Антипия — это бесстолпная церковь с крещатым сводом, она имеет нестандартное завершение для храмов подобного типа — двумя ярусами кокошников. Двуглавие, городчатый поясok под кровлей барабана, итальянизирующие мотивы в интерьере (лопатки на стенах с аттическим профилем баз и капителей) — все эти черты сближают храм Антипия с Рождественским собором. Итак, мы можем предположить, что Рождественский и старицкий Успенский соборы стали одними из первых храмов «архаизирующего» направления.

В 1520 - 1530-х гг. мог быть возведен еще один памятник из указанной нами группы. Это — Успенский собор Нягинина монастыря во Владимире (Илл. 97). Храм возведен на месте древнего домонгольского собора 1200-1202 гг. и довольно точно повторяет его план, сохраняя в своей кладке и нижние части старого храма [6, с. 442]. Как и в случае с Рождественским собором, собор Нягинина монастыря не имеет точной даты постройки. Практически все ученые относили постройку храма к рубежу XV-XVI вв. [6, с. 441; 7, с. 107; 15, с. 364; 25, с. 64], в основном обращая внимание на древний домонгольский памятник. Отдельных исследований, посвященных Успенскому собору, нет. Однако в послед-

нее десятилетие подобно Рождественскому собору храм был датирован заново и отнесен к 1540 – 1550-м гг. [4, с. 80; 27, с. 144]. Тем не менее ряд черт в архитектуре собора Княгинина монастыря говорит о явной близости с московским памятником.

В архитектуре Успенского собора Княгинина монастыря можно отметить целый комплекс конструктивных и декоративных элементов, сближающих его с Рождественским собором. К конструктивным элементам, роднящим памятники, относятся повышенные подпружные арки, крестчатые столбы и крестовые своды в угловых ячейках. Такая деталь, как городчатый пояс, также воспроизведена на фасадах собора Княгинина монастыря. Однако убедительнее о сходстве двух храмов говорит ордерная система, примененная в интерьере Успенского собора. Профилированные базы и капители в два уровня на столбах, многообломный карнизный пояс под конхой апсиды, карнизы под пятами арок, перекинутых к стенам, валиковые «кольца» в барабане — все эти детали мы уже видели в Рождественском соборе. Необходимо также отметить изящество, тонкость и профессионализм исполнения всех профилей в соборе Княгинина монастыря [23, с. 328], что может говорить о возможном участии в его постройке столичных мастеров. Вряд ли можно предполагать, что эти два памятника возводились одними и теми же мастерами, тем не менее указанные нами общие черты говорят о близости времени возведения обеих построек. Композиция завершенный Успенского собора отличается от завершенный собора Рождественского монастыря. В данном случае могло сыграть свою роль влияние домонгольского предшественника владимирского храма, возможно имевшего ярусное завершение [6, с. 445]. На основании приведенных нами аргументов дату возведения Успенского собора Княгинина монастыря вполне логично отнести к 1520 – 1530-м гг., то есть к тому же периоду, к которому мы отнесли постройку Рождественского собора.

Следующим памятником, о котором пойдет речь в нашей работе, будет Благовещенский собор Благовещенского монастыря в Киржаче (Илл. 98). Время возведения храма также неизвестно. Опубликовавший этот памятник А.И. Некрасов (статья вышла в свет уже после смерти автора) на основании натуральных исследований датировал памятник рубежом XV–XVI вв. [17, с. 221]. Впоследствии эта дата вошла в научную литературу [12, с. 45; 13, с. 31; 22, с. 164; 25, с. 222]. При этом ученый предполагал, что Благовещенский собор был построен до Рождественского (который, напомним, датировался 1501–1505 гг.), аргументируя это архаичностью форм первого [17, с. 226–227]. Подобно датировкам Рождественского и Успенского соборов дата постройки киржачского храма в последнее десятилетие была отнесена ближе к середине XVI в. Выдвинувший новую гипотезу о времени возведения Благовещенского собора А.В. Яганов считал его прообразом церковь Введения на Подоле Троице-Сергиевоу посада 1546/1547 г. постройки [27, с. 140].

Впечатление, производимое архитектурой Благовещенского собора, отличается от впечатлений, порожденных формами старицкого, московского и владимирского памятников. Прежде всего, бросается в глаза массивность, «кряжистость» четверика храма, по сравнению с которым его завершения кажутся несколько непропорциональными. Во многом, это ощущение связано с высокими и мощными апсидами, зрительно увеличивающими массу храма, делая его более «приземленным». С другой стороны, нельзя не отметить четкость в распределении горизонтальных и вертикальных плоскостей на стенах храма. Центральные прясла, лишённые карнизов, усиливают вертикализм ярусов кокошников и барабана. Внутреннее пространство предстает достаточно затесненным из-за массивных столбов и толстых стен. К тому же высокая алтарная преграда, отделяющая алтарную часть от наоса, делает его фактически двустолпным. Тем не менее пространство

остаётся динамично нарастающим к куполу, благодаря сложной трехуровневой системе сводов. Движение здесь не сдерживается, как в описанных нами выше соборах, итальянизирующим декором. По меткому замечанию А.И. Некрасова, аркам и сводам киржачского храма присуще свойство «перетекания» друг в друга [17, с. 223]. Необходимо отметить и такую особенность, как увеличенное в длину (с запада на восток) подкупольное пространство. Следствием этого стало приближение формы барабана к овалу.

Можно предположить, что прототипом для киржачского памятника действительно был Рождественский собор. На это указывают не только отдельные элементы, но и характер их компоновки. Так, расположение декора апсид у обоих храмов идентично — боковые апсиды имеют городчатый пояс, центральная лишена его. Килевидные ниши-киоты в центральных пряслах, двухступчатые лопатки на фасадах, городчатый пояс под закомарами и на барабане также говорят о близости памятников. Как нельзя лучше сходство Рождественского и Благовещенского соборов может быть продемонстрировано в конструктивных элементах: крестовые своды в угловых ячейках, а главное, нестандартное трехступчатое решение системы сводов и подпружных арок, характерное только для этих двух соборов. Полностью совпадает и внутренняя площадь храмов — 15 x 10,4 м [17, с. 232]. При этом в интерьере Благовещенского собора полностью отсутствует ордерная декорация, что может указывать на возведение храма в начале XVI в., однако профилировка архивольтов закомар, кокошников и цоколя, а также крестов вызывает сомнения в подобной датировке. Отказ от «итальянизмов», возможно, свидетельствует о прекращении влияния архитектуры итальянских мастеров. Это связано с прекращением их деятельности, произошедшим на рубеже 1530-х - 1540-х гг. Скорее всего, Благовещенский собор в Киржаче принадлежит именно к 1540-м гг. Местные мастера, строившие храм, довольно точно воспроизвели конструктивные особенности столичного образца — Рождественского собора, упростили декоративные детали, огрубив при этом их профилировку. Необычная трактовка декоративного оформления порталов со сноповидными элементами встречается и в других памятниках середины XVI в., например, в Рождественском соборе Медведевой пустыни [27, с. 139]. Вряд ли уместно сравнение с Введенской церковью Троице-Сергиева посада. Этот храм не сохранил древних завершений и западных столбов, утраченных еще в XVIII в. [20, с. 143], что осложняет его сопоставление с Благовещенским собором. Итак, мы можем предполагать, что Благовещенский собор в Киржаче был возведен в 1540-х гг., ориентируясь в своих архитектурных формах на Рождественский собор Рождественского монастыря в Москве.

Два памятника из нашей группы все-таки имеют точную датировку. Это Успенский собор Симонова монастыря 1546-1549 гг. [8, с. 52] и Рождественский собор Медведевой пустыни, оконченный в 1547 г. [28, с. 197]. Первый из них, к сожалению, был уничтожен в 1930 г. Однако сохранились обмерные чертежи, план, проект реконструкции и кроки, сделанные П.Н. Максимовым, Н.В. Воблым и Р.Н. Кацнельсоном перед разрушением храма [3, с. 233; 16, с. 215], а также фотографии, позволяющие получить представление о внешнем виде собора. Это был четырехстолпный одноглавый храм на подклете с апсидами во всю высоту здания. Трехступчатые лопатки с развитыми капителями делили стены на три прясла, каждый из которых завершался закомарой с профилированным архивольтом. В храм вели три перспективных портала с килевидными завершениями. Четверик венчался двумя ярусами килевидных кокошников, на них был поставлен барабан с пьедесталом, оформленным пояском кокошничков [16, с. 215-216]. О внутреннем убранстве собора судить гораздо сложнее. Учитывая композицию завершений, храм, вероятно,

имел повышенные подпружные арки, несомые крестчатыми столбами. Также интерьер был насыщен ордерной декорацией: импосты под пятами подпружных арок, карнизы на стенах и столбах в основаниях арок, перекинутых к стенам [3, с. 222-233]. То есть налицо конструктивные элементы и детали, связывающие собор Симонова монастыря с другими памятниками «архаизирующего» направления: ярусы килевидных кокошников, отсутствие горизонтальных членений на фасадах, пилястры с профилированными капителями, италянизирующие мотивы в интерьере, повышенные подпружные арки. Успенский храм продолжает линию других столичных построек, упомянутых нами, — Рождественского собора и церкви Антипия с Кольмажного двора. Тем не менее для 1540-х гг. собор Симонова монастыря — единственное здание данного направления.

Другой памятник, Рождественский собор Медведевой пустыни, дошел до нас, хотя и с утратами. Согласно храмовданной надписи, сохранившейся в интерьере памятника, он был закончен в сентябре 1547 г., заказчиком же выступила братия обители [28, с. 196-197]. Кубический четверик храма, сложенный из кирпича и завершенный полуциркульными закомарами, венчался двумя рядами также полуциркульных кокошников (их остатки скрыты под поздней четырехскатной кровлей [20, с. 84]). Характерно наличие невысоких лопаток, делящих постаменты кокошников, — прием, виденный нами в соборах Княгинина и Рождественского монастырей. В храме Медведевой пустыни существует карниз, отделяющий закомары от стены. Однако его профиль, как и профиль цоколя, предельно упрощен. Уже отмечалось необычная трактовка порталов, выполненных из белого камня, сходная с трактовкой порталов Благовещенского собора в Киржаче — со «снопиками», чередующимися с «дыньками». Еще одна отличительная деталь собора Рождества — узор из крестообразных кирпичей под кровлей апсид и барабана. Помимо этого, барабан имеет валиковые кольца в основании окон и над ними. Во внутреннем пространстве храма четыре крестчатых столба держат повышенные подпружные арки, угловые ячейки перекрыты коробовыми сводами. Ордерная декорация полностью отсутствует, за исключением полочек в завершениях столбов. Таким образом, собор Медведевой пустыни, как и собор в Киржаче, демонстрирует провинциальный вариант храма «ретроспективного» направления, рассматриваемого нами. Для него характерен полный отказ от италянизирующей декорации интерьера, максимальное упрощение ордерных деталей фасада, некоторая массивность, приземистость всех архитектурных форм.

Совсем недалеко от Медведевой пустыни, в Дмитрове, находится близкий по своим чертам собору Рождества Богородицы собор Бориса и Глеба Борисоглебского монастыря (Илл. 99). Время его постройки неизвестно, в трудах последних десятилетий этот храм датировался 40-ми гг. XVI в. [2, с. 387; 27, с. 143]. В архитектуре дмитровского памятника исследователи справедливо отмечали наличие «цитат» из главного городского Успенского собора [2, с. 195; 29, с. 107-108]. Действительно, такие италянизирующие элементы в интерьере Борисоглебского собора, как постаменты западных столбов, импосты на опорах и стенах в основаниях арок, а также порталы со «сноповидными» капителями, указывают на определенный образец [2, с. 195]. Но эти сходные черты сосредоточены внутри храма, его фасады имеют мало общего с собором, возведенным князем Юрием Ивановичем. Крестчатые столбы, полуциркульные закомары и лента из крестообразных кирпичей под ними и на барабане сближают Борисоглебский собор с храмом Медведевой пустыни. Применен здесь и городчатый пояс, знакомый нам по московскому Рождественскому собору, собору Княгинина монастыря и собору в Киржаче. В дмитровском памятнике данный пояс расположен в тех же местах — под карнизами апсид и в пряслах под

закомарами. Главным отличием от остальных памятников группы являются пониженные подпружные арки Борисоглебского собора и, как следствие, отсутствие ярусов кокошников. В целом, дмитровский собор, учитывая специфику ориентации на определенный образец (в данном случае Успенский собор Дмитрова), можно поставить в один ряд с собором Медведевой пустыни и собором в Киржаче.

К «дмитровским» памятникам — собору Бориса и Глеба и собору Рождества — примыкает еще один храм, редко упоминающийся в научной литературе. Это — Успенская церковь в селе Иваниши на Волге, недалеко от Старицы (Илл. 100). Храм был построен на вклад боярина И.Ю. Шигоны-Поджогина, приближенного Василия III, и традиционно датировался временем между 1534 и 1542 гг. [2, с. 372; 24, с. 24]. Авторы единственного монографического исследования памятника — А.А. Галашевич и А.И. Финогенов — считают годом основания храма 1534, а завершения — 1539 г. [9, с. 25]. Успенский храм обладает рядом интересных особенностей. В первую очередь, это трехглавие, встречающееся в 1530-х гг. только в одном памятнике — соборе Возьмищенского монастыря. Необычно композиционное построение внутреннего пространства, при котором неправильно расставленные столбы с пониженными подпружными арками обуславливают вытянутую, эллипсоидную форму барабана (нечто подобное мы видели в Благовещенском соборе Киржача). Заслуживает внимания и деталь, достаточно редко встречающаяся в храмах XVI в., — наличие глухих камер над апсидами [24, с. 24]. В декоративном оформлении налицо множество элементов, роднящих Успенскую церковь с соборами Дмитрова и Медведевой пустыни. Это и плоские пилястры между апсидами, и пояс из крестообразных кирпичей на барабанах и апсиде, и очень близкая трактовка порталов со «сноповидными» капителями. Характерно и отсутствие ордерной декорации в интерьере Успенской церкви. Особенно заметна связь двух памятников — церкви в Иванишах и Борисоглебского собора при взгляде на декор их барабанов: сходны и килевидный аркатурно-колончатый пояс, обрамляющий окна и валиковое «кольцо» в основании. В остальном — килевидных закомарах, отсутствии карниза под ними, нишах-киотах с обрамлением килевидной аркой, импостах лопаток (с лапидарным профилем) — Успенская церковь близка к храмам, которые мы отнесли к 1520 - 1530-м гг., — соборам Рождественского и Княгинина монастырей. Близкое расположение храма в Иванишах к Старице невольно наталкивает нас на сравнение его с Успенским собором. Однако при взгляде на оба памятника мы практически не сможем найти точек соприкосновения. Такая разница может быть обусловлена заказом. Успенская церковь должна была стать храмом небольшой уединенной обители, в которой ее строитель, боярин Шигона-Поджогин, совершал бы иноческий подвиг. Отсюда и достаточно скромное декоративное убранство памятника, особенно в интерьере. Собор в Старице, как мы выяснили, являлся одной из доминант столицы удельного княжества, что предопределило репрезентативный, эффектный облик здания. На примере этих двух храмов можно проследить две разные стадии одного «архаизирующего» направления в русской архитектуре первой половины XVI в. Церковь в Иванишах, построенная в конце 1530-х гг., знаменует собой отказ от ордерной декорации в интерьере, а также некоторое упрощение архитектурных форм, в частности завершений храмов. Успенский храм, таким образом, стал предшественником памятников, возведенных в 1540-х гг., — соборов в Киржаче, Дмитрове и Медведевой пустыни.

Последний храм, которому мы уделим внимание, — Успенская церковь в Клину (Илл. 101). Традиционно она датируется серединой XVI в. [2, с. 386; 12, с. 233; 18, с. 159; 20, с. 218]. Архитектурный облик храма говорит о наличии определенного образца, кото-

рым в данном случае стал Успенский собор в Старице. В клинской церкви присутствуют высокие апсиды, разделенные тонкими лопатками, пониженные угловые компартименты и повышенное средокрестие, кокошники в основании барабана, килевидные архивольты порталов. Успенская церковь одноглавая, боковых глав нет, вместо этого угловые ячейки перекрыты крестовыми сводами (как в соборе Рождественского монастыря Москвы). Главной особенностью памятника являются треугольные фронтоны, завершающие прясла вместо закомар. Такой прием мог перейти из построек начала века — церкви Благовещения Благовещенского погоста, собора Иоанновского монастыря в Москве [2, с. 386]. Итальянизирующий декор также напоминает нам о старицком соборе — многообломные цоколь и карнизы, капители лопаток, профилированные фронтоны, базы крестчатых столбов и трехчастные импосты, венчающие их. Однако профилировка всех элементов упрощена и даже несколько огрублена. Да и композиционно храм решен не слишком удачно. Пониженные подпружные арки предопределили отсутствие ярусного венчания. Без таких завершений храм производит впечатление приземистого, «распластанного» по земле здания. Очевидно, что церковь возводилась местными мастерами, которые не решились на смелый прием — завершения храма пирамидой кокошников. Указанные особенности — упрощенная профилировка, пониженные подпружные арки — свидетельствуют о верности датировки памятника серединой XVI в. Так или иначе, Успенская церковь в Клину хронологически является последним памятником, завершающим «ретроспективное» направление.

Заключение. Основные выводы

Итак, мы рассмотрели достаточно большую группу храмов, укладываемых в период между 1520-ми и концом 1540-х гг. Подведем некоторые итоги. В первую очередь, необходимо отметить, что все памятники имеют статус монастырских соборов. Вероятно, и возведены они были на средства братии (исключение составляют Успенский собор в Старице и Успенская церковь в Иванишах — княжеская и боярская постройки). По крайней мере, в одном случае сохранилось точное свидетельство о строительстве храма на монастырские деньги: речь идет о соборе Рождества Богородицы Медведевой пустыни [28, с. 197]. Более того, за довольно долгий период времени (со второй половины 1530-х до конца 1540-х гг.) не встречается известий о государственном, великокняжеском заказе [27, с. 141]. Это связано с малолетством Ивана IV и, как следствие, отсутствием строительных инициатив с его стороны. Ситуация меняется в начале 1550-х гг., когда после победоносного Казанского похода была создана особая государственная программа строительства памятных храмов. Поэтому неудивительно, что в 1540-е гг. инициатива возведения храмов сосредотачивается в руках монастырей. Мастерами, строившими для монастырей, были, скорее всего, русские ученики итальянских архитекторов. Как можно заметить, главным условием, выдвигавшимся монастырской братией, была ориентация на образец, указанный ею. Мы можем выделить две группы памятников, исходя из их стилистических особенностей. Первую группу составляют Успенский собор в Старице, собор Рождественского монастыря в Москве и собор Княгинина монастыря во Владимире. Построенные в 1520 - 1530-х гг., эти соборы тяготеют к архитектуре начала века, в первую очередь, благодаря обилию ордерной декорации в интерьере. Нужно отметить и высокое качество исполнения всех деталей декора. Связь с раннемосковским зодчеством проявилась в наличии пониженных угловых ячеек, ярусном завершении из рядов кокошников, повышенных подпружных арках. Первым по времени памятником этой группы,

как уже было сказано, стал Успенский собор в Старице, соборы Рождественского и Княгинина монастырей ориентировались на его архитектуру. К этим постройкам примыкает и Успенский собор Симонова монастыря 1546–1549 гг., явно воспроизводящий столичный прототип — собор Рождественского монастыря.

Ко второй группе относятся храмы, возведенные, в основном, в конце 1530-х – начале 1540-х гг. и позже. На их архитектурном облике, помимо внимания к «доитальянской» архитектуре, сказалось прекращение использования итальянизирующих мотивов в интерьерах. Таковы Успенская церковь в Иванищах, Благовещенский собор в Киржаче, Борисоглебский собор Дмитрова, собор Рождества Богородицы Медведевой пустыни и Успенская церковь в Клину. В данном случае имеет место следование образцу, указанному, как отмечалось выше, монастырской братией. Отказ от ордерной декорации сочетается здесь с провинциальным характером трактовки архитектурных форм образца, их упрощение.

Литература

1. Баталов А.Л. Итальянизирующие мотивы в интерьерах русских храмов первой половины XVI века // Искусство Древней Руси. Проблемы иконографии. - М.: Российская академия художеств, НИИ теории и истории изобразительных искусств, 1994. - С. 144–159.
2. Баталов А.Л. Московское каменное зодчество конца XVI века. - М.: НИИ Российской академии художеств, 1996. - 433 с.
3. Баталов А.Л. О датировке церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в Дьякове // Русская художественная культура XV–XVII веков. Материалы и исследования / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». - Вып. 9. - М., 1998. - С. 220–239.
4. Баталов А.Л., Маиштафаров А.В. Владимирский Княгинин в честь Успения Пресвятой Богородицы женский монастырь // Православная энциклопедия. - М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», 2005. - Т. 9. - С. 78–83.
5. Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы (конец XIII – начало XV века) по данным археологии. - М.: Ин-т археологии РАН, 1995. - 458 с. - (Материалы и исследования по археологии Москвы, вып. 6).
6. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков: В 2 т. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. - Т. 1. - 559 с.
7. Воронин Н.Н. Строители Княгинина собора // Памятники истории и культуры. - Ярославль: Верхневолжское книжное издательство, 1983. - Вып. 2. - С. 107–109.
8. Выголов В.П. Архитектура Московской Руси середины XV века. - М.: Наука, 1988. - 230 с.
9. Галашевич А.А., Финогенов А.И. Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Иваниши. - М.: Северный Паломник, 2004. - 130 с.
10. Давид Л.А. Церковь Антипия у государевых больших конюшен в Москве // Реставрация и исследования памятников культуры. - М.: Стройиздат, 1975. - Вып. 1. - С. 145–167.
11. Ильенкова И.В. Собор Рождественского монастыря в Москве. Исследования и реставрация // Охрана и реставрация памятников архитектуры. Опыт работы мастерской № 13 [Моспроект-2]. - М.: Стройиздат, 1981. - С. 82–88.
12. Ильин М.А. Подмосковье. - М.: Искусство, 1974. - 271 с.
13. Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. - М.: Искусство, 1980. - 144 с.
14. Ильин М.А. Собор Рождественского монастыря в Москве // Материалы по истории русского искусства XVI–XVII веков. - М.: Изд-во 1-го Московского гос. ун-та, 1928. - Вып. 1. - С. 5–8.
15. Ильин М.А., Косточкин В.В., Максимов П.Н. Зодчество первой половины XVI века // История русского искусства: В 13 т./ под. ред. И.Э. Грабаря. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - Т. 3. - С. 333–371.
16. Максимов П.Н. К характеристике памятников московского зодчества XIII–XV веков // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.; Л.: Институт археологии АН СССР, 1949. - Вып. 12. - С. 208–216.
17. Некрасов А.И. Собор в Киржаче // Древнерусское искусство XV – начала XVI века. - М.: Наука, 1963. - С. 217–232.
18. Некрасов А.И. Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии. - М.: Изд-во 1-го Московского гос. ун-та, 1928. - 315 с.
19. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. - М.: Искусство, 1989. - 379 с.
20. Памятники архитектуры Московской области. - М.: Искусство, 1975. - Т. 1. - 384 с.

21. *Подъяпольский С.С.* Итальянские строительные мастера в России в конце XV – начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря) // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. – М.: ВНИИТАГ, 1991. – С. 218–233.
22. *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. – СПб.: Стройиздат, 1993. – 285 с.
23. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Владимирская область. – М.: Наука, 2004. – Ч. 1. – 752 с.
24. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Тверская область. – М.: Наука, 2003. – Ч. 1. – 816 с.
25. *Столетов А.В.* Памятники архитектуры Владимирской области. – Владимир: Владимирское книжное изд-во, 1958. – 240 с.
26. *Фуфаев А.С.* Собор Московского Рождественского монастыря // Архитектурные памятники Москвы XV–XVII веков. Новые исследования. – М.: Академия архитектуры СССР, 1947. – С. 57–77.
27. *Яганов А.В.* К вопросу о датировке собора Благовещенского Киржачского монастыря // Древнерусское искусство. Искусство позднего средневековья. XVI. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – С. 130–145.
28. *Яганов А.В.* Храмовая надпись в соборе Рождества Богородицы Медведевой пустыни // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. – М.: ВНИИТАГ, 1991. – С. 191–199.